

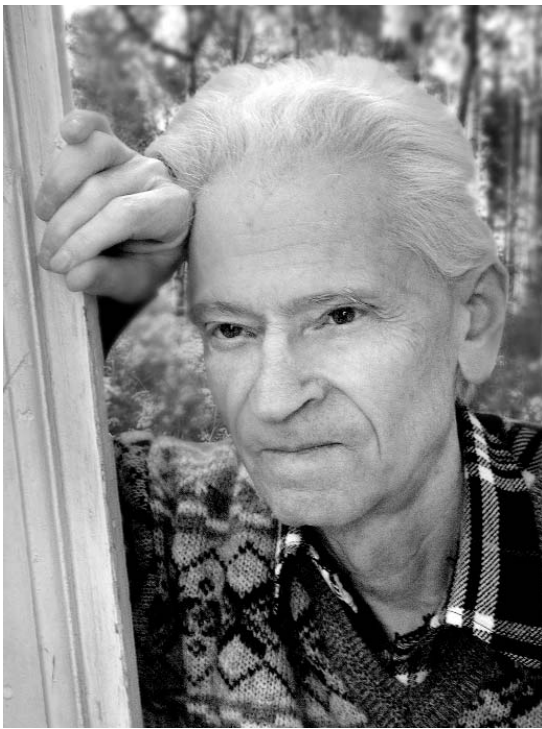
ОДИНОЧЕСТВО И СВОБОДА

Этот год для Николая Михайловича Перовского знаковый. 70 лет пребывания в этом мире. Полвека работы в литературе. 40 лет состояния в Союзе писателей (больше, чем кто-либо из собратьев по перу). Тридцать лет без малого поэт живет в Орле и пишет во славу города. Много воды утекло в Орлике за это время. Многие изменилось в поэте. Но главное сбережено. В Перовском живо прежнее ощущение поэзии как жизненной задачи, не имеющей решения, но требующей к ответу. В нем то же яростное рвение к строке, и нервная ревность к сопернику, и страсть первенствовать (а как иначе?) — поэт по определению не может быть вторичным. Но чего в нем точно нет, так это жлобства.

Перовский родом из треклятых тридцатых годов минувшего века. Он вправе от себя сказать за Блоком: мы — дети страшных лет России... Его детство мгновенно сгорело легкой сухой щепкой в те дни, когда рубили лес, прокладывая по живому телу России просеку в светлое будущее. А что оставлено было ему в настоящее? Удел сиротства. Угол в детском доме. Борьба за личное существование в тылу народной войны. Опыт беспризорности — как репетиция участи лишнего человека и проклятого поэта. Может быть, исходя из этого экзистенциального опыта Перовский тоньше, чем кто-либо, чувствует в недрах обжитой реальности угрозу неведомого. Оттого так тепла и трепетна его лирика, восполняющая нехватку сущности в голом существовании.

Он не из тех, кто брал Парнас нахрапом. Сначала была жизнь, потом литература. Пас скот в

степи и убирал хлеб на целине. Вкальвал на шахтах и батрачил в газетах. А ещё в его университете — горный институт. Может быть, оттуда он вынес убеждение, что литература по сути не что иное, как обогащение порожней жизни высшим смыслом. Поэт в его понимании — искатель самородной гармонии. Он обнаруживает божьим даром поэтические залежи и лирические жилы, таящиеся под спудом повседневности. А дальше кропотливая техническая работа над текстом — концентрация шума времени в чистый звук. Преображение животного тепла в нежность и смутной чувственности в любовь. Только самоотречение выдерживает испытание временем и странным образом причащается вечности — что бы ни понимал под этим

словом смертный (очень смертный!) человек. Прописанный в своей эпохе, Перовский работает на опережение бега времени.

Издательством "Вешние воды" в 2002 году была выпущена книга Николая Перовского "Лебеди на Орлике". Это, возможно, лучшая поэтическая книга года. Не в Орле — в России. Лирика Николая Перовского прозрачна и поразительна, как родниковая вода на восходе солнца. Поэт удерживает то, что не улавливает сеть летописца, как бы ни была она часта, — воздух эпохи. Собрание стихотворений Пе-

ровского, впервые изданное столь представительно, являет масштаб его поэзии. Поэзии, принадлежащей к основному течению русского лиризма. Ибо лира Перовского настроена по классическому камертону.

Что же нам — чувства прятать в иронии Или оправдываться в неразборчивом лепете? Мы мимо жизни плывём, посторонние... Потусторонние, мимо нас — лебеди...

Лебеди на Орлике больше не привлекают восхищенного внимания прохожих. Может быть, потому что поэтические книги на книжном рынке вытеснены кулинарными. Но зыбкие отражения обыкновенных чудес бытия в чистой лирике Перовского сохранены как обетование. Как обещание, что все еще вернется однажды, когда-нибудь... словно соткнется нечто из вольного воздуха и что-то снизойдет с ясного неба — лебеди на воду, покой на душу и легкая удача на будний день. Да будет так. По слову поэта.

Книга прочитана — и закрыта, и отставлена. Высокая нота отзвучала и отошла в небеса. Оставив легчайшее эхо блуждать в лабиринте памяти. Что-то произошло и исчезло, не сумев удержаться в реальности. Но в то же время (нет — поверх времени) мгновенное переживание полноты бытия, случившееся с вами в поэтическом акте, будет тревожить, томить и наслаждать ожиданием возможного возвращения.

Чем больше присваивают

люди из поэзии, тем счастливее поэты. Плохо другое. Скверно, когда общество забывает о людях, посвятивших себя донорству духа. По месту художника в местной иерархии определяется уровень данной культуры. То немногое, что общество сэкономило на лаврах для поэтов, государство возместит сторицей на розгах для общества. Таков суровый, но справедливый закон воздаяния. То, что нынешнее наше правительство перекрывает дыхание культуре, чтобы усилить приток крови к органам внутренних дел, хуже, чем преступление (как говаривал прозорливый циник Талейран), это историческая ошибка. Перед судом истории слово поэта будет убедительнее свидетельствовать в защиту нации, чем протокол жандарма. Так было. Так будет впредь.

По высшему счёту семидесятилетие Перовского — зримая вежа для незримого круга хранителей подлинной культурной традиции. Одна из тех заметных вех, по которым идет отсчет обретенного, а не потерянного времени. Лучшее в жизни отдано в стихи, отпущено в люди. А что остается поэту? Немного. Или много. Это как посмотреть. Одиночество и свобода (диагноз высокой болезни, поставленный Георгием Адамовичем). Обязанность своей поэтической судьбе. Право в стороне от торных дорог искать пути к вершине и достигать немислимой высоты, задыхаясь от избытка счастья и нехватки воздуха.

Владимир ЕРМАКОВ.

Николай ПЕРОВСКИЙ

СТЕПНОЕ ОЗЕРО

Я увидал степное озеро,
когда на нет сошла луна:
вода, густая, как молозиво,
прохладных лилий белизна.

Дымилась гладь его зеркальная,
похоронившая луну,
созвездия зодиакальные,
отсыревая, шли ко дну.

А на закате бледно-розовом
бессмертники и ковыли
головки свесили над озером
и к водопою прилегли.

И вслед за жаркими зарницами
на берег хлынули лучи
с людьми, отарами и птицами,
перворожждёнными в ночи.

ЗВЕЗДА УПАЛА

Звезда упала в женские ладони,
и пошатнулась женщина, смеясь,
а в озарённом искрою затоне
огнём желанья лилия зажглась.

В безумии рыбак отбросил снасти,
возжег от жаркой искорки костёр
и к женщине, слабеющей

от страсти,
свои ладони тяжкие простёр.

Цветы и травы бросились
в объятья,
и судорога шла по глади вод,
а пламя непорочного зачатия
зеркально отошло на небосвод.

В МЕРЗЛЯКОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

*Не потому, что от неё светло,
а потому, что с ней не надо света.*
Иннокентий Анненский.

А в Мерзляковском среди тараканьих бегов
Анненский плыл между узенькими берегами.
Спал я как будто на теле пестреющих летом лугов,
весь, от подошв до макушки, обросший лугами.

Плыли и таяли восемь таинственных строк,
напоминаая, какой я бездарный и жалкий,
строки, которым, по слухам, завидовал Блок,
плыли и таяли в грязной глухой коммуналке.

Спал и не спал я, как будто бы жил и не жил,
в мире простраций, диковинных ассоциаций,
Богу ли, дьяволу душу свою заложил
ради восьми этих строк, неподсудных мне граций.

Что-то шептал мне на кухне обкраденный жизнью старик,
гневом косила старуха, годами горбата,
в комнате девушки я проглотил свой проклятый язык,
плыл и тонул на кушетке между Тверским и Арбатом.

Свет был погашен, и на небе не было туч,
время смешалось, в созвучьях запутались сроки,
луч безымянной звезды, прибудившийся луч,
словно космический цензор, просвечивал дивные строки.

Конские гривы и крупы размыло на черной стене,
где ты, куда унесло тебя, дикий детёныш?!
Будь милосердна, не я себя создал, пригрезилось мне
что-то такое, чего на Коньке-Горбунке не догонишь...

Кто я и что я, зачем я родился на свет?
Что выражать языком и к чему прикасаться руками?
Предназначение моё уничтожил почти неизвестный поэт
Так, между делом, пятью неземными строками.

ПРОХОДНЫЕ ДВОРЫ

Проходные дворы беспризорного детства,
безнадёжной орлянки, бесславной буры,
если негде приткнуться и некуда деться, —
проходные дворы, проходные дворы.

Дровяные сараи, углы, закоулки,
голубятни, подвалы, верёвки с бельём,
ржавый жмых, самогон, кукурузные булки
и разборки, и дружбы с домашним жульём.

...С коммунальными схватками из-за обмылка...
В чадном запахе примуса, в приторном духе греха,
где, обритая наголо, послетифозная Милка
увела у родимой мамы её жениха.

Там свистели литые ремённые бляхи,
моряки под полундру со шпаной толковали "за жисть",
а военный патруль в суматохе и чуть ли не в страхе
то грозил трибуналом, то просто просил разойтись.

В проходных процветали бандитские хазы,
банковала малина до самой зари,
и по крышам — куда там тебе верхолазы! —
уходили в отрыв от ментов скакари.

Там скрипели, насытившись ваксой, блатные сапожки,
правил бал марафет и подначивал жмель,
отшвырнув костыли, отрешась от плаксивой гармошки,
инвалиды войны заползали на вдвоёю постель.

Всё, что было там, — шито и крыто, и брито...
Провалилось в безвременье, в тартарары,
только в старом кино отбивает свой ритм "Риорита",
да вразвалку плывут в никуда проходные дворы.